

JAROSŁAW J. GRZĘDOWICZ

PAN LODOWEGO
OGRODU

TOM 2

ЯРОСЛАВ ГЖЕНДОВИЧ

ВЛАДЫКА
ЛЕДЯНОГО САДА
В СЕРДЦЕ ТЬМЫ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(4Пол)
Г45

Серия «Шедевры фэнтези»

Jarosław J. Grzędowicz
Pan Lodowego Ogrodu. Tom 2

Публикуется с разрешения автора и при содействии
Владимира Аренева и Сергея Легезы
Перевод с польского: *Сергей Легеза*
Дизайн обложки: *Юлия Межова*
В оформлении обложки использована иллюстрация
Михаила Емельянова

Гжендович, Ярослав

Г45   Владыка Ледяного сада: В сердце тьмы / Яро-
слав Гжендович.— Москва: Издательство АСТ,
2019.— 572, [2] с.— (Шедевры фэнтези).

ISBN 978-5-17-113595-9

В Земле Огня, разоренной армией безумца, нет пощады, нет милосердия, монстры с полотен Босха ходят среди людей, а мертвые не хотят умирать окончательно. Близится Война богов, в которой смерть — еще не самая страшная участь, Вуко Драккайнен — землянин, разведчик, воин — понимает, что есть лишь единственный способ уцелеть в грядущем катаклизме: разгадать тайну Мидгарда. Только сначала ему надо выбраться из страшной непостижимой западни, и цена за свободу будет очень высокой. А на другом конце света принц уничтоженного государства пытается отомстить за собственную семью и народ. Странствуя по стране, охваченной религиозным неистовством, он еще не знает, что в поисках возмездия придет туда, где можно потерять куда больше того, чего уже лишился; туда, где гаснут последние лучи солнца. В самое сердце тьмы.

© 2007 by Jarosław J. Grzędowicz
© Сергей Легеза, 2017, перевод
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ГЛАВА 1

ДРЕВО

Знаю, висел я
в ветвях на ветру
девять долгих ночей,
пронзенный копьем,
посвященный Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты
в недрах неведомых.

*Речи Высокого*¹

Знаешь, что такое ад? Ад — это два подернутых туманом хребта, что жмутся друг к другу, словно ягоды. Это все те же рваные линии гор, затянутые голубоватой дымкой. Это видимые вдали два пятна леса, взбирающегося по склонам, пылая царскими красками осени. Это семьдесят три хвойных куста, скрученных, будто они вышли из-под рук мастера бонсай. Это рассыпанные окрест бело-серые глыбы меловых скал, синеватые, как порченое мясо. Это искрящиеся плевки снежных шапок на вершинах. Это чудненький, словно прямо с открытки, горный пейзажик, который становится для тебя всем. Неизменный, скучный и красивый.

---

¹ Цитаты из «Старшей Эдды» даны в переводе А. И. Корсуна.

С открытки, вдруг получившей роль вселенной. Это заключенные в слоях дерева вечные гнев и ярость. Это пересохшее деревянное горло, которое не ведает крика. Это и есть ад.

Это вьющиеся, подобно червям, корни в каменистой горной земле, в отчаянном поиске хотя бы горсти питательного перегноя среди кислых и хрупких, как ногти трупа, плиток сланца. Это пахнущий липкой сладостью свет солнца.

Это торчащий в деревянных внутренностях узкий кованный наконечник. Это чужая мертвая ветка, пробивающая ствол, будто застывшая молния.

Это молитва о грозе. О внезапном приходе электрического освобождения, громе, пепле и огне.

Это и есть ад.

Быть деревом.

Страшно... страшно... страшно...

* * *

Он появляется внезапно, прямо из осеннего тумана. Выныривает из-за края, бледное лицо расщеплено зигзагом татуировки, выпученные черные глаза поблескивают в беге узкими полосками белков. Засохшие брызги крови на щеках и лбу.

Он хватается за корень и обломок скалы, пытается взобраться выше, но что-то тянет его вниз. Он молод. Ему лет семнадцать, и он крайне, смертельно испуган. Уже не обращает внимания, что слезы ручьями текут по лицу, что изо рта вырывается скулеж. Его заботит лишь неведомая сила, что тянет вниз, в пропасть.

Причина банальна. Бурый плащ, застегнутый на плечах серебряной фибулой с мотивами танцующих змей,

зацепился за корень. Но парень тонет в приливах паники. Может лишь бессильно дергаться, переть вперед, как запряженный конь. Секунды текут меж пальцев, ручейки крови из раны на лбу бегут по щекам.

Парень... По здешним стандартам, он уже давно взрослый. Он воин. Рожденный с убийственным железом в руках, качаемый в люльке под песни о героях, закаленный видениями собственной героической гибели. И все же теперь он плачет, сражается с плащом, зацепившимся за корень, поскольку вблизи все выглядит иначе, чем в песнях. Собственная смерть, увиденная в упор, кажется вонючей, обычной и болезненной. Не будет трогательно-прекрасной гибели, достойной песни. А более всего — невозможно принять, что уже все. Что теперь. Сейчас. Навсегда.

Стрела с ядовитым шипением втыкается в сланцевую глыбу рядом с ладонью парня. Слышен сдавленный короткий вскрик, молодой наконец находит сплетенных серебряных змеев, давящих его глотку, и дергает застежку. Плащ падает со спины, фибула летит в пропасть, отскакивает от камня, а воин-подросток ползет на четвереньках по крутой тропке, цепляясь за кусты и скалы.

Они приближаются.

Слышны гортанные проклятия и частое дыхание. Слышен скрип толстых кож и звяканье стали.

Еще одна стрела вылетает из долины и порскает над самой головой беглеца, гудя, как рассерженный шершень.

Они приближаются.

Трое.

Они не носят красно-черные татуировки на руках и лицах, у них нет зачесанных к затылку, пропитанных

дегтем косичек. Под очковыми наносниками шлемов и угловатыми нащечниками видны коротко подрезанные бороды.

Они кричат в его сторону, триумфально, хрипло. Из ртов вылетает пар, клубится в ледяном воздухе осени. Один перегибается за обрыв и кричит кому-то внизу; эхо скачет горами. Они смеются, глядя, как парень ползет на четвереньках вперед, как пытается побежать, но спотыкается, падает и снова ползет.

Тот первый, большой словно гора, снимает шлем и осторожно кладет его на землю, потом расстегивает плащ, высвобождая новые клубы пара, поднимающиеся из-под ламеллярного панциря. Снова кричит, издевательски, задорно — и неторопливо вынимает меч. Слышен стальной протяжный скрежет железа, великан распрямляется и словно гимнаст шевелит плечами, в его спине что-то похрустывает.

Парень беспомощно хватается за пустые ножны у пояса — напоминание об утраченном оружии, но продолжает ползти вперед, слепой и глухой от ужаса.

На миг он поднимает взгляд и видит Ствол. Распахивает рот и глаза еще шире; на его лице выражение недоверия и крайнего ошеломления. Кажется, он нашел нечто, что искал давно. На несколько секунд забывает о настигающих его преследователях и ведет взглядом вдоль толстого Ствола, скрывающего человеческую фигуру с широко раскинутыми руками. Между Ветвями виден нарост, похожий на голову с обезображенным болью лицом, а посередине Ствола торчит серебристое древко ясеневоего копья.

Длится это очень недолго.

Хриплый крик заставляет беглеца упасть на землю. Последние секунды жизни, вытекающие, словно пиво из

разбитого кувшина. Преследователи, расслабленные, но бурлящие адреналином, снова ему кричат. Финал мучительной погони. Его уже поймали. Осталось всего пару шагов. Конец.

Сейчас его прикончат.

Резня у корней Древа.

Прикончат его, а потом сойдут в свои долины, к своим рекам и озерам. Разожгут огонь и напьются октябрьского пива, смеясь и хлопая друг друга по спинам. Запахнет жаркбе, пение и хохот живых взлетит под потолок.

Принесут цепи, смазанные драконьим маслом, и станцуют свой танец огня. Нагие, размалеванные дикими узорами девушки с волосами, спрятанными под платки, станут крутиться в пламени, прыгать среди прирученного жара, обметать гибкие тела косицами огня.

А его уже не будет.

Никогда.

Он боится Древа, но меньше, чем вечного мрака, заклятого в стали преследователей. Вскakiвает на ноги, двумя прыжками оказывается у Ствола и отчаянно держит ясеневое древко. Вросшее в ствол копьe неподвижно, как родная ветка.

Они окружают парня полукругом, смеются, покривают на него. Кто-то со вздохом садится на камень и отстегивает от пояса пузатую, обшитую тюленьей шкурой флягу. Другой втыкает меч в землю и потягивается, массируя заболевшую поясницу.

Верзила движется на парня танцующим шагом, из-за его спины доносятся ироничные советы, вызывающие взрывы смеха.

Меч в пальцах великана танцует, клинок чертит круги и восьмерки, рукоять умело обращается в спокойной руке. Акробатика. Шутовство.

Воин двигает бедрами, его ноги выполняют боксерский танец, склоненное тело колыхнется вместе с клинком — непросто поверить, что огромный мужчина может двигаться так легко и ловко. Он словно горная горилла. Большой, косматый и brutальный.

Короткий выпад, финт, уклонение, притворный удар в голову.

Парень заслоняется руками, втискивается спиной в Ствол, сползает по нему на землю. На его штанах вдруг расплозлось мокрое пятно.

Противник завершил танец с клинком, выставленным горизонтально, опирающимся в хребет второй ладони. Раскрывает руку, приглашающее машет лежащему: «Ну, подходи».

Беглец вьется, как змея, вокруг Ствола, ползает по мху и сохлому папоротнику, шаря ладонями, будто слепец. Что-нибудь. Хотя бы камень.

Огромный воин медленно приближается, вздыхает, качает с неудовольствием головой. Беспомощно разводит руками и бросает свой меч стоящим сзади, после чего дважды хлопает в ладоши, словно пытаясь разбудить противника, и снова приглашает его жестом, на этот раз — пустых рук: «Ну, подходи, меча уже нет».

Но — с тем же эффектом. Худой парень не желает бросаться с голыми кулаками на стокилограммовую гору жилистых мышц. Адреналин наполняет его ноги свинцом, страшная, смертельная усталость затапливает легкие, как бетоном.

Гигант разочарованно опускает руки и идет длинными шагами, чтобы ухватить парня за загривок и выволочь из кустов, словно котенка. Это перестает быть смешным.

Большая ладонь тянется и хватает за ворот черной куртки как раз в тот миг, когда отчаянно шарящие

пальцы натываются среди мха, листьев и сухой горной травы на нечто продолговатое. Уплотненный цилиндр, обмотанный прекрасно прилегающей к руке плетеной тесемкой.

Рукоять универсального меча разведчика. *Синоби-кэн* фирмы Nordland Aeronautics.

После рывка за плечо парень подлетает вверх, разом встав на трясущиеся ноги. И тогда раздается шипение мономолекулярного клинка. А потом воздух прошивает блеск и в холодном осеннем воздухе раздается хруст разрушаемой плоти.

Гигант отпускает противника и медленно поворачивается к своим онемевшим, сидящим на камнях товарищам, показывая белое, меловое, неподвижное лицо, а потом из него вдруг бьет фонтан крови. Его грудь разделяется вдоль тонкой косой линии, открывая разъявленное, черно-красное нутро.

Мужчина делает слепой, неуверенный шаг в неизвестность и валится лицом вперед, как срубленное дерево.

Все немеют.

Сгорбившийся парень — выставив поблескивающий мономолекулярный клинок, по которому катятся и падают на землю капли крови, открывая сверкающую, чистую поверхность.

Воины сидят на камнях: один — замерев с наклоненной флягой в руке, вода льется ему на сапоги, второй — в испуге закусив кулак.

На ноги они вскакивают одновременно. Блеск стали, звон клинков и быстрое, размазанное движение.

Крик.

Резкий, внезапный крик боли. Один из нападающих вдруг переламывается пополам, хватаясь за горло. Между его пальцами брызгает ручеек светлой, пульсирую-

щей крови. Второй отскакивает, со страхом и недоверием глядя на обрубок меча в руке. Не может поверить, что панический, неловкий блок противника перерубил его клинок словно сухую ветку. Отбрасывает оружие и молниеносно хватается за воткнутый в землю, осиротевший меч бородача.

Парень рубит наотмашь, кое-как, неловко управляясь со слишком коротким мечом со странной рукоятью и непривычным балансом.

Второй издает короткий звериный рык, его правая ладонь падает на мох, словно отброшенная перчатка, но крови еще нет. Он хватается оружием левой рукой и бросается на парня, сбивая его с ног. Оба тяжело валятся на землю, спина нападающего, в полукожухе, украшенном на спине вышивкой из трех танцующих в круге языков пламени, судорожно вздрагивает, а посередине, над самым вышитым знаком, торчит прямо в небеса клинок — по нему стекает кровь, открывая чистую, посверкивающую поверхность.

Тишина. Слышно лишь, как рядом, царапая сапогами каменистую почву и впиваясь пальцами в сухой осенний дерн, умирает тонущий в собственной крови человек.

А потом наступает тишина.

Парень с трудом отваливает труп в сторону, освобождается от его хватки, разжимая стиснутый на его куртке кулак, палец за пальцем. После чего встает, наступает противнику на грудь и, посапывая, вырывает из нее клинок.

Недоверчиво смотрит на него, а его ноги вдруг подгибаются, и парень тяжело садится на мох.

Меч трясется в руках, по всему телу пробегают судороги, молодой склоняет голову и начинает плакать. Станным сухим рыданием, которое подбрасывает его

некрупное тело. Рыданием, что постепенно превращается в истерический смех.

Стоит так, на коленях, с запрокинутой головой, поднимая в окровавленных руках меч разведчика, синобикэн фирмы Nordland Aeronautics. Хихиканье, что рождается из плача, перерастает в победный рык. Пискавый и странный, он кончается гремящим шипеньем, которое могла бы издать гигантская рассерженная змея.

Парень встает на ноги и смотрит на забрызганную кровью скалу, вдруг порыжевший круг серой осенней травы и три трупа рядом.

Откладывает в сторону меч, трет руками траву, скользкие красные камни вокруг мертвого гиганта, а потом прикасается к собственному лицу и в полупоклоне подходит к Стволу, чтобы оставить на нем отпечатки своих окрашенных рук. Стоит в траве и шарит ладонями, пока не отыскивает одиноко лежащие ножны. Меч со щелчком возвращается домой, парень берет оружие, но не знает, как приторочить его к поясу. Наконец закидывает меч на плечо, словно лопату, и уходит узкой тропкой.

В противоположную сторону, чем та, откуда он пришел.

Остается только Древо, забрызганные скалы вокруг и три трупа Людей Огня. Две вершины, жмущиеся друг к другу, словно ягодицы. Снежные плевки на верхушках гор. Крик ворона в холодном осеннем воздухе.

Одеревеневший гнев, замерший в слоях и волокнах древесины.

Близится ночь.

А ночью приходят волки.

Порой между горами виден дым. Столпы черного дыма, пересекающие осеннее небо. Ночью вершины

подкрашивает оранжевый отблеск огня. Порой ледяной осенний воздух доносит далекий крик. А порой — только карканье ворон.

* * *

Видны два пятна леса, взбирающегося по склонам, пылая царскими красками осени. Семьдесят три хвойных куста, скрученных, будто они вышли из-под рук мастера бонсай. Рассыпанные окрест бело-серые глыбы меловых скал, синеватые, как испорченное мясо. Искрящиеся плевки снежных шапок на вершинах.

Виден ад.

Тропинка идет резко вниз, где-то там, вне поля зрения, за границей вселенной. Но она не настолько отвесна, чтобы решительный человек не сумел ее покорить. Даже крепкий карлик может уговорить свои кривые ножки на такое усилие, заставляя одолеть горный путь и впряженного в тележку осла, похожего на уродливую помесь окапи и жирафа.

Он привязывает вожжи к одному из семидесяти трех скрученных хвойных деревьев. Вороны, выковыривающие остатки из уже разодранных волками трупов Людей Огня, взлетают хлопающей черной тучей и возмущенно каркают. Карлик присаживается на синей меловой скале и вытягивает из кармана тряпочку, в которую завернуты кусок копченого сыра и нечто, напоминающее черный помидор. Отрезает кусочек сыра и забрасывает на кончике ножа себе в рот, а потом осторожно откусывает от черного плода.

Минутку жует в молчанье.

— Это ловко, так спать в дереве, когда мир пылает. Отрезает еще кусочек сыра.

Не похоже, что трупный запах и мертвецы хоть немного ему мешают.

— Говорю, это ловко. Я дал тебе хорошее имя, Спящий-в-Дереве. Ты говоришь, что предпочитаешь странствовать ночью. А я тебе говорю, что ты предпочитаешь, чтобы на тебя срали вороны. Предпочитаешь искать воду между камнями и ждать, пока осветит тебя солнце. Знаешь, по чему видно дурака? По тому, как он закончит, Спящий-в-Дереве.

Снова кусает черный плод, потом, охая, копается в карманах, пока не находит небольшую плитку соли, которую давит на камне рукоятью ножа. Плод, посыпанный грязной солью и наверняка украшенный муравьями, становится куда лучше.

— Ты видел, что такое Деющий. Видел живые тернии из железа. Видел движущийся замок с миллионом клинков и колес. Видел людей, заклётых в деревья и камни. Видел тварей из холодного тумана. И что? Ты ведь наверняка отправился с ним говорить? Сказал, что забереешь его за море домой? Может, напомнил ему о делах, которые остались там, в далеких краях? А может, ты решил взять его за загривок и отнести на то место как щенка, который вылез из псарни?

Карлик съедает плод до конца, тщательно заворачивает сыр в тряпицу и прячет нож. Со стоном встает, вытирает ладони о штаны.

— А теперь мир пылает — или встанет в огне через миг. Ты сидишь в Стволе и думаешь, как бы произвести на свет желуди. Деющий делает, что пожелает, и вскоре задумается над тем, что пора отыскать твое дерево. Это близко. Ничего не улучшилось, но сделалось еще хуже, — он поднимает ладонь и направляет ее в сторону вершин, что прижимаются друг к другу, словно ягодицы, туда,

